

ЛИЦЕЙСКИЙ УНИВЕРСУМ «ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА»: ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ*

Образовательная программа внуков Екатерины II определялась историческими образцами и мотивирующими примерами, которые выступали в качестве прецедентных биографических сценариев. Отмечавшаяся целым рядом исследователей ассоциативная оппозиция имен Александр Македонский – Александр I (и соответствующая ей «образовательная параллель» Аристотель – Ф.С. Лагарп) неоднократно принималась во внимание при анализе архитектурных проектов Екатерины Великой, прежде всего – дворцового комплекса в Пелле. Как неслучайная часть реализации ее «политического завещания» в ряду государственных нововведений внука-императора может рассматриваться школа перипатетиков, Аристотелевский лицей, в его актуальной проекции и ценностной привязке к культурному и образному контексту Царского Села.

Ключевые слова:

биографический сценарий, исторический ретроспективизм, прецедентный акт, стиль поведения, «символическое бессмертие».

Летягин Л. Н. Лицейский универсум «порфирородного отрока»: историческая морфология биографических сценариев // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 3. – С. 67–70.

© Летягин Лев Николаевич – кандидат филологических наук, заместитель директора института философии человека РГПУ им. А.И. Герцена, заведующий кафедрой эстетики и этики, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; leoletyagin@gmail.com

А.И. Тургенев в приватном письме П.А. Вяземскому от 15 марта 1824 г., оценивая опыт занятий Жуковского с цесаревичем Александром Николаевичем, заметит: «Он сделал из себя какого-то детского Аристотеля...» [13, с. 106]. Формула, связывающая образ наставника наследника престола с именем античного философа, в культурной памяти оказывалась достаточно устойчивой. Педагогический пример Аристотеля – учителя и старшего друга Александра Великого – рассматривался в качестве значимого биографического фактора, самым непосредственным образом предопределившего склад личности и масштабность исторических деяний его прославленного ученика.

«Nomen est omen», имя есть предзнаменование, имя – это судьба. Данным тезисом определялись амбиционные установки Екатерины II, и выбор имен её старших внуков оказывался подчеркнуто ориентированным на прецедентные исторические антропонимы, сыгравшие немаловажную роль в системе геополитических планов русской императрицы.

В письме своему постоянному корреспонденту барону Ф.М. Гримму от 28 марта 1784 г. (оригинал – на фр. яз.) Екатерина II писала: «Я сделала прекрасную инструкцию по обучению гг. Александра и Константина, которую я пошлю вам, как только у меня появится надлежащий перевод. <...>

Господин Александр, во всем, что касается величия, стойкости, разборчивости, дружелюбия и знания, намного выше его возраста; он станет, на мой взгляд, выдающейся личностью, при условии, что второй из них не замедлит его развития» [4, с. 297–298].

В качестве одного из основных наставников любимого внука-первенца в письме императрицы упоминается швейцарский философ и политический деятель Ф.С. Лагарп: «г. Лагарп станет одним из тех, кто будет предан указанному г. Александру...». Именно письменные отчеты педагога-швейцарца служили императрице главным «документированным» источником, свидетельствовавшим об образовательных успехах ее внука.

Предложенная Лагарпом программа образования наследника «педагогическим руссоизмом» и популярными идеями Дж. Локка не ограничивалась. Оценивая обстоятельность ее концептуальных оснований, В.О. Ключевский вполне обоснованно использует понятие «философская педагогика». Вместе с тем историк считает необходимым сделать следующее уточнение: «высокие идеи воспринимались 12-летним политиком и моралистом как политические и моральные сказки, наполнявшие детское воображение не детскими образами и волновавшие его незрелое сердце очень взрослыми чувствами» [6, с. 188–189].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 17-03-00846 «Идеи европейского классического образования и стратегии современного российского университета».

«Домашний Аристотель» – это не придворная должность, а имя в истории. В многочисленных современных исследованиях Лагарпу нередко «делегированы» особые символические права, выходящие за пределы принятых им обязанностей [18; 19; 21; 22]. Сравнение с учителем Александра Македонского, казалось бы, напрашивается естественным образом, однако мировоззренческое рассмотрение этого вопроса невозможно без учета аспекта субъективного: мыслил ли себя последователь Вольтера и Гельвеция в подобном историческом качестве?

Как сам Лагарп оценивал свои педагогические заслуги, это был его «долг человечеству»: «Слава, что я был наставником Русских великих князей, и воспоминание о лестной доверенности ее величества на долго будет для меня достаточным вознаграждением, которое поможет мне мужественно переносить самые тяжкие лишения... Да будут только мои труды плодотворны для славы ее царствования, да падет на мою долю невыразимое удовольствие узнать, что их императорские высочества удовлетворяют благотворным намерениям ее величества относительно их» [8, стлб. 90, 89].

Свои многостраничные отчеты о воспитании великих князей Лагарп сопровождает обстоятельными характеристиками и точными наблюдениями, далеко не всегда и не во всем для его воспитанников лестными. Вместе с тем в них вычитываются вполне очевидные «провоцирующие» тенденции: «история есть школа государственного человека», и «общественный деятель должен искать в истории не бесплодные рассказы о битвах или событиях, видимые последствия которых не шли далее их века, а нечто другое...» [9, с. 188, 160]. Возбуждая в своем старшем воспитаннике вполне определенные исторические чувствования, Лагарп, можно полагать, следовал конкретной цели: его «преподавание <...> было для Александра эстетическим наслаждением» [6, с. 189].

Вспоминая годы собственного учения, Лагарп скажет: «Кто не вообразил себя блуждающим в Афинах, Лакедемон и Рим?...» [8, стлб. 78]. Об этой внутренней «привязанности» годы спустя будут свидетельствовать его письменные отчеты. Об этом же свидетельствует состав изданий в личной библиотеке швейцарского педагога и книги из подготовленного им «Списка», рекомендованного для обязательного прочтения цесаревичем [7; 16]. «Что касается до истории Греции, то ознакомив вел. князей с некоторыми великими событиями и великими людьми этой знаменитой нации, я остановил внимание их на той эпохе ее исто-

рии, которая начинается Александром...». «Конечно, молодость в. кн. еще не позволит ему извлечь из этих уроков той пользы, которую он извлечет впоследствии; тем не менее, в его лета запечатлеваются в памяти первые прочные впечатления». И далее: «Память необходима для человека, потому что она представляет собою запас, из которого соображение заимствует материал...» [9, с. 160–161, 170]. Нетрудно предположить, что в соответствии с утвержденной Екатериной II программой все исторические и биографические примеры в ходе обучения сопровождалось тенденциозно выстроенным комментарием, что в значительной мере предопределило начальную «кладку характера» (В. Ключевский) будущего российского императора.

Один из наиболее авторитетных западных специалистов по «русскому XVIII веку» Дэвид М. Гриффитс предлагает рассматривать взгляды на историю Екатерины II в ракурсе актуального для эпохи Просвещения концепта «symbolic immortality»: «Неудивительно, что представление, именуемое <...> символическим бессмертием, было в XVIII веке общим местом, <...> этот век стал свидетелем мощного возрождения интереса к классической античности» [3, с. 45]. Отмеченная тенденция будет особым образом представлена в «архитектурной биографии» Екатерины II – грандиозных проектах Дж. Кваренги и И.Е. Старова. И, что особенно показательно, «в середине 1780-х годов в архитектуре строившихся Екатериной II дворцов с отчетливостью звучала “тема Александра”...» [23, с. 187]. Не без особой гордости императрица однажды отметит: «Все мои загородные дворцы только хижины по сравнению с Пеллой, которая воздвигается как Феникс» [23, с. 189]. Из актуального прошлого оказывался востребован неслучайный образ древней столицы Македонии, в предместии которой история сохранила память о первых образовательных успехах Александра Великого. Архитектурные начинания Екатерины II идейно уточняли интерпретацию актуальных исторических аналогий, так как вместе с исторической Пеллой возрождалось и имя Аристотеля. Центр Македонского царства самым непосредственным образом ассоциировался не только с былым имперским величием, но и возможностью повторения успешного педагогического опыта.

Как утверждал К.А. Гельвеций, «люди не рождаются глупыми или умными, а становятся теми или другими в зависимости от воспитания, то есть от окружающей среды». Именно с этим в телеологической перс-

пективе внешней и внутренней российской политики оказались связаны масштабные архитектурные образы, которые представлялись более значительными, чем уже существующие дворцовые комплексы Петергофа или Царского Села [12; 23, с. 189].

Просвещенной русской императрице хорошо была знакома мысль Макиавелли, который биографию Каструччо Кастракани из Лукки завершает следующей поучительной сентенцией: «Он не был ниже ни Филиппа Македонского, отца Александра, ни Сципиона Римского <...> И несомненно, он превзошел бы и того и другого, если бы родиной его была не Лукка, а Македония или Рим» [11, с. 42]. Акцентируя значимость топографической привязки биографических сценариев, Макиавелли, а вслед за ним Екатерина II продуцировали значимость идеализированного образовательного топоса, в котором принцип «пространственного детерминизма» выступал ключевым условием формирования биографии великого человека.

От грандиозного архитектурного проекта просвещенной императрицы сегодня уцелело только название железнодорожной платформы, на которой останавливаются далеко не все пригородные электрички. Однако, как справедливо отмечал акад. С.Ф. Платонов, «способность Екатерины доводить до конца, до полного разрешения те вопросы, какие ей ставила история, заставляет всех признать в ней первостепенного исторического деятеля, независимо от ее личных ошибок и слабостей» [14, с. 639]. Образ Пеллы и связанные с ним культурные коннотации в полной мере найдут свое отражение в образовательных проектах Александровской эпохи.

В истории отечественного образования понятие «Лицей» (и само наименование, и особый тип учебного заведения) нередко оказывалось представлено в качестве новомодного заимствования – как «скол» французской образовательной модели. Вероятными образцами назывались знаменитый Лицей Людовика Великого (история которого начинается ещё в середине XVI столетия) или более близкий по времени основания (1803 г.) Парижский лицей Генриха IV (Lycée Henri-IV). Сохраняя за французским Лицеем право на определенные «посреднические» функции в европейском образовательном диалоге, в ряду актуальных «первоисточников» проекта М. Сперанского и И. Мартынова необходимо учитывать и более классический прообраз. В «Никомаховой этике» Аристотель отмечает: «Царская власть желает быть властью отеческой. [Отец] – виновник само-

го существования, <...> а кроме того, ещё и воспитания, и образования». Принципы Аристотелевской школы перипатетиков во многих концептуальных отношениях стали основой формирования эллинизированной ценностной структуры – «Лицейского универсума» Царского Села.

В.О. Ключевский утверждал, что «воспитание Александра I, как и характер его, получают значение важнейших факторов в истории нашей государственной жизни» [6, с. 186]. Начало «дней Александровых» предопределило постановку принципиально новых образовательных задач, что самым непосредственным образом повлияло на выбор жизненных приоритетов целого поколения, рожденного настроениями и ожиданиями эпохи [17]. Судьба лицеистов первого выпуска надолго определит «формат» восприятия этого учебного заведения в русской культуре. Воспитание в «духе времени» Александровской эпохи не противоречило возможным взаимоисключающим принципам. В этом плане ассоциативный подстрочник Царского Села представлял собою показательный культурный «оксюморон», в котором естественный ландшафт воспитания юношества и «высочайше дарованный» принцип индивидуальной свободы в пределах царской резиденции не стеснялись присутствием «ока государева».

Невольный «заложник» многих заданных исторических обстоятельств, в проекте учреждения Царскосельского Лицея Александр I обретает права собственного жизнетворчества, воплощая тем самым значимую часть биографического сценария, предначертанного его царственной бабушкой.

Концепт «символического бессмертия» станет основой философской лирики самого известного лицейского выпускника, что на целый век предопределяет основы русской литературной классики. В эту столетия со дня рождения Пушкина эту тему исторически подытожит В. Брюсов:

*Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал речьню мудрецов;
Как верный ученик...*

* * *

«Свобода выражается творением, а необходимость – рождением», – писал А.С. Хомяков [20, с. 188]. С самого начала царствования Александра I получили хождение исторические анекдоты, характеризовавшие настроения широких общественных слоев. Показательный пример «наивного историзма» нашел отражение в «Записных книжках» П.А. Вяземского: «...Дмитриев гулял по Кремлю в марте месяце 1801 г. Видит

он необыкновенное движение на площади и спрашивает старого солдата, что это значит? “Да съезжаются, – говорит он, – присягать государю”, – “Как присягать и какому Государю?” – “Новому”. – “Что ты, рехнулся ли?” – “Да императору Александру”. – “Какому Александру?” – спрашивает Дмитриев, все более и более удивленный и испуганный словами солдата. “Да Александру Македонскому, что ли!” – отвечает солдат...» [1, с. 160].

Историческая соотнесенность имен сопровождала внука Екатерины II на

всем протяжении его жизненного пути: «Сопутствую Царю неотступно в походах Александра Русского», – скажет А.А. Аракчеев. Европейские события начала XIX века добавляют к историческому портрету внука Екатерины неизбежные биографические коррективы. Однако, как отмечал в своих воспоминаниях Д.Н. Свербеев, до конца своих дней «Александр I, воспитанник Лагарпа, утратил, хотя и не вполне, веру в свое божественное право» [15, с. 617].

Список литературы:

- [1] Вяземский П.А. Старая записная книжка. – М.: Захаров, 2000. – 364, [1] с.: портр.
- [2] Глинский Б.Б. Республиканец при русском дворе // Исторический вестник. Т. 34. – 1888, № 10. – С. 54–96.
- [3] Гриффитс Д.М. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет / Перев. с англ. Е. Леменовой и А. Митрофанова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 530 с.
- [4] Екатерина II. Письма Императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) / Публ., примеч. Я.К. Грота // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 23. – 1878, № I–VIII. – 734 с.
- [5] Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Документы / сост., вст. ст. и комм. А. Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго; перев. с фр. В.А. Мильчиной. Т. I: 1782–1802. – М.: РОССПЭН, 2014. – 911, [9] с., [16] л. цв. ил., портр., факс.
- [6] Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. / Под ред. В.А. Янина. [Т. V]: Курс русской истории: ч. 5 / Последл. и комм. В.А. Александрова, В.Г. Зиминой. – М.: Мысль, 1989. – 476, [1] с.
- [7] Королев С.В. Сочинения по истории античности в библиотеке Фредерика-Сезара де Лагарпа // История: мир прошлого в современном освещении: сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / Под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 531–544.
- [8] Лагарп Ф.Ц. [Из записок] / Под. загл.: Ф.Ц. Лагарп в России // Русский архив. – 1866, Вып. 1. – Стлб. 75–94.
- [9] Лагарп Ф.Ц. Записки Лагарпа [графу Н. И. Салтыкову] о воспитании В.К. Александра и Константина Павловичей 1786–1789 гг. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – 1870, т. I. – С. 152–205.
- [10] Лагарп Ф.Ц. Несколько писем Фридриха-Цезаря Лагарпа / Перев. В.А. Фукса. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1898. – [2], 57 с.
- [11] Макиавелли Н. Государь; Мандрагора / Перев. с итал. Р.В. Грищенков. – СПб.: Кристалл, 2001. – 189, [1] с.
- [12] Никифорова Л.В. Чертоги власти. Дворец в пространстве культуры. – СПб.: Искусство-СПб, 2011. – 702, [1] с., [16] л. цв. ил.: ил.
- [13] Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с прим. В.И. Саитова. Т. III: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. – СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметева; Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – 364 с.
- [14] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М.: Высшая школа, 1993. – 735, [1] с.: портр.
- [15] Свербеев Д.Н. Мои записки / Подгот.: М. В. Батшев [и др.; РАН]. – М.: Наука, 2014. – 942 с.
- [16] Список книг, избранных для великого князя Александра Павловича Лагарпом, с его замечаниями // Русский библиофил (Le Bibliophile Russe). – 1916, № 1.
- [17] Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению / [Соч.] М.И. Сухомлинова: В 2 т. Т. I. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. – СПб.: А.С. Суворин, 1889. – X, 671 с.
- [18] [Файбисович В.М.] Воспитание Александра / Авт. текста В.М. Файбисович; Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005 (ООО Тип. НП-Принт). – 23 с.: цв. ил., факс.
- [19] Хельф П. Швейцария и Россия: международный диалог культур и швейцарская культурная политика: [лекция Чрезвычайного и Полномочного Посла Швейцарской Конфедерации в Российской Федерации, прочитанная в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзом, 19 февраля 2013 года] // Дипломатическая программа Международных Лихачевских научных чтений «Международный диалог культур»; Вып. 10. – СПб.: СПбГУП, 2013. – 27, [1] с., [2] л. цв. ил., портр.
- [20] Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. / Вст. ст., сост. и подгот. текста В.А. Кошелева; Ред. Е.В. Харитонов; прим. В.А. Кошелева и др.; Журнал «Вопросы философии». Т. I. Работы по историософии. – М.: Московский философский фонд Меднум, 1994. – 589, [1] с., [1] л. портр.
- [21] Цветков С.Э. Александр Первый, 1777–1825. – М.: Центрполиграф, 2005. – 589, [2] с.
- [22] Швейцарцы в Петербурге: [Сб. ст.] / Перев., сост.: Мадлен Изабель Люти и др.; ред. совет.: Виктор Антонов и др. – СПб.: Петербургский институт печати, 2002. – 623, [1] с., [16] л. цв. ил.: ил.
- [23] Швидковский Д.О. Архитектура русского классицизма в эпоху Екатерины Великой: Архитектура второй половины XVIII столетия в Санкт-Петербурге, Москве и императорских загородных резиденциях (1762–1796). – М.: Архитектура-С, 2016. – 254, [2] с.: ил., портр., фот.